

Жэнь Ши нахмурился.

— Своенравный ты.

Гу Сюньчжи не нашёлся что возразить на этот приговор и лишь виновато улыбнулся.

— У тебя есть некая основа, оставшаяся от прежних лет самосовершенствования, — продолжил Жэнь Ши, — к тому же ты принял немало пилюль и носишь на руке Жемчужину Южных морей. Твоей жизни пока ничто не угрожает. Но времена нынче смутные. Хоть я и стараюсь всегда быть рядом, всё же не могу уследить за всем. Тебе нужно обрести силу, чтобы постоять за себя.

Слова Жэнь Ши звучали разумно. Гу Сюньчжи, вспомнив неопиcуемый облик недавнего демона, невольно содрогнулся и, стиснув зубы, согласился:

— Шисюн прав. Тогда... давай попробуем ещё раз.

Стоило ему уступить, как Жэнь Ши перестал хмуриться.

Последние дни они провели в этой гостинице, лишь изредка поднимаясь на гору, чтобы разобрать уцелевшие вещи. Увы, сохранилось немного: кроме нескольких книг и писем, избежавших огня, всё остальное превратилось в прах. Даже алхимическая печь оказалась залита жиром, и Жэнь Ши пришлось два часа прокалывать её в пламени, прежде чем очистить.

В обители теперь не хватало самого необходимого, к тому же Жэнь Ши считал, что там стало слишком грязно, а потому жить в пещере было нельзя. Гу Сюньчжи пришлось оставить мысль о возвращении в родные стены — они решили дожидаться здесь окончания праздника Юаньсяо и только потом тронуться в путь.

Трудно было сказать, сопутствовала Сюньчжи удача или же, напротив, отвернулась от него, но в ночь на пятнадцатое января повалил снег. Он шёл двое суток, не прекращаясь и на следующий день. Густые тучи скрыли луну, и Гу Сюньчжи, избавленный от неловкости при передаче духовной энергии, втайне перевёл дух.

Утром семнадцатого числа они покинули подножие горы Лазурного неба.

За минувшие дни они рассудили, что прежде всего стоит разыскать учителя. По словам Жэнь Ши, магическая сила их наставника была сопоставима с силой обычного земного бессмертного. С его умениями обычные демоны не представляли угрозы, но если мир начал меняться, неизвестно, с какими бедами он мог столкнуться. Против по-настоящему могущественной твари учитель мог и не устоять.

Ранее Жэнь Ши пытался разузнать, куда направился их наставник, и выяснил, что тот держал

путь на юго-восток. Туда же отправились и они. Дорога вела их ближе к столице, а чем меньше вёрст оставалось до города, тем громче и причудливее становились слухи. Сопоставив множество обрывков, они наконец восстановили картину случившегося. Оказалось, утром сразу после праздника Юаньсяо над столицей взмыл в небо огромный Синий дракон — его видели почти все жители.

Поговаривали, что дракон явился прямиком из поместья князя Цзиня. Вскоре после этого сам князь, едва удостоенный титула, бесследно исчез. Не прошло и полудня, как император огласил указ: его лишить всех званий, низложить до простолюдина и объявить в розыск как государственного преступника. Его обвиняли в мятеже.

Учитывая то, что творилось в поместье князя прежде, подобный исход был неизбежен. Теперь Синий дракон наверняка возвращался в Восточное море. А юный князь Цзинь, чьё сердце было поглощено любовью, ради него отказался от титула и, скорее всего, последовал за ним. Однако путь беглого преступника к берегам моря тернист, и трудно сказать, удастся ли ему когда-нибудь вновь встретиться с Синим драконом. Гу Сюньчжи, хоть и сопереживал ему в душе, сам едва держался на плаву и ничем не мог помочь. Ему оставалось лишь надеяться, что судьба будет милостива к юноше, избравшему столь тяжкую долю.

Но вести эти касались не только дракона и павшего князя. Судя по тону императорского указа, за этой историей, поначалу казавшейся лишь плодом сердечной привязанности, скрывались предвестники великих и грозных перемен. Сюньчжи вспомнил: старый князь Цзинь пленил дракона, замышляя переворот. И хоть заговор сорвался, подготовка велась долгие годы. Не оттуда ли ведут свой след демоны, терзавшие гору Лазурного неба?

Он спросил об этом Жэнь Ши, но не получил прямого ответа. Сердце Сюньчжи тревожно забилось, никак не находя покоя. Жэнь Ши мягко коснулся его плеча:

— Не бойся. Это лишь начало нового цикла.

Новый цикл? Сюньчжи примерно понимал, о чём говорит шисюн. На протяжении тысячелетий мир жил именно так: династии сменяли друг друга, расцвет уступал место смуте. Ему посчастливилось родиться в эпоху процветания, и он привык верить, что всё всегда будет идти так же гладко, как в его юности. Но истина была в том, что хаос и чудовища — гость неизбежный, и рано или поздно они всегда приходят.

Гу Сюньчжи обернулся к Жэнь Ши:

— Если я проживу достаточно долго, мне не миновать зрелища этих бед, верно?

Жэнь Ши кивнул.

— Верно. От этого невозможно убежать, к этому можно лишь привыкнуть.

Осознав это, Сюньчжи, вопреки ожиданиям, почувствовал облегчение. Он вдруг понял: это путь, который позволит ему стать чуточку ближе к старшему брату.

Тот поцелуй изменил многое. Он заставил Гу Сюньчжи осознать вещи, о которых он прежде и не помышлял. Обмен влагой, казалось, возымел необъяснимое действие, позволив ему на каком-то глубоком уровне сблизиться с шисюном. Он чувствовал, будто невзначай приоткрыл край завесы над тайной, которую тот хранил.

Тогда, в миг их близости, образы первозданного мира без всякой причины всплыли в его сознании, словно кто-то вскрыл его череп и вложил эти мысли внутрь. И с тех пор вот уже несколько дней Сюньчжи грезил наяву: ему снилось, как глубокой ночью он без цели блуждает в океане, а со всех сторон его обступает иссиня-чёрная пучина.

Волны вздымались горами, ветер ревел так, что становилось страшно, но в своих снах Сюньчжи оставался безмятежен. Страха не было — всё казалось правильным, естественным, будто именно так и должно быть. Его огромное тело колыхалось на волнах, а море ощущалось ласковым материнским объятием. Лишь перед самым пробуждением к нему возвращалось осознание, что он вовсе не умеет плавать; он просыпался, в панике захлёбываясь воображаемой водой, и ещё долго сидел на постели, заходясь в кашле. Жэнь Ши, решив, что тот простудился, заставил его принять целый мешок снадобий. Гу Сюньчжи пытался сопротивляться, но власть шисюна над ним была слишком велика — стоило тому лишь строго взглянуть, как Сюньчжи сдавался и послушно глотал одну огромную пилюлю за другой.

Даже днём мысли его часто витали где-то далеко. Однажды вечером, лёжа в постели, он листал книгу и лишь спустя полчаса заметил, что так и не перевернул ни единой страницы. В его голове шумел лазурный океан, маня к себе так, словно он принадлежал его водам.

Это было в высшей степени странно — ведь он никогда в жизни не видел моря.

Когда наваждение затянулось, он перестал верить в случайность. Всё дело было в том поцелуе. И хоть Гу Сюньчжи никогда не слышал о подобных чудесах, ничто иное не могло вызвать эти странные сны.

Заметив его рассеянность, Жэнь Ши спрашивал, что с ним творится, но Гу Сюньчжи лишь отмахивался. Он не хотел искать подтверждений у шисюна — тот, скорее всего, и сам ни о чём не догадывался.

Со временем сны стали приходить реже, и наваждение почти перестало тревожить его, сменившись лёгкой тоской. Сюньчжи очень хотелось поцеловать шисюна снова — просто проверить, вернутся ли видения, — но той былой, импульсивной храбрости в нём не осталось, и он лишь втайне предавался мечтаниям.

Они продолжали искать учителя. Жэнь Ши удалось почерпнуть несколько зацепок из оставленных писем и книг, но сведения были скудными и туманными. Прошло слишком много времени, и нельзя было поручиться за их верность, однако это было хоть какое-то направление.

В ходе поисков им неожиданно улыбнулась удача: кто-то рассказал, что лет пять или шесть назад видел в этих краях человека, чей облик и манера держать себя в точности походили на их наставника.

Это известие стало приятным потрясением. Жэнь Ши и Гу Сюньчжи не верилось, что всё пойдёт так гладко. Впрочем, радоваться было рано: это могло оказаться простым совпадением, хотя не исключено, что учитель намеренно оставил след, ожидая, когда они его найдут.

По правде говоря, хоть Гу Сюньчжи и прожил с учителем бок о бок почти десять лет, лик наставника в его памяти давно стёрся. В те годы, когда учитель только забрал его на гору, он поначалу хотел, чтобы наставником Сюньчжи стал Жэнь Ши. Однако тот наотрез отказался, и учителю пришлось, скрепя сердце, взять мальчика под своё крыло.

Учитель редко появлялся перед ним, ограничиваясь лишь наставлениями в самосовершенствовании. Казалось, он вечно занят алхимией — по крайней мере, так всегда говорил шисюн. Теперь же, оглядываясь назад, Сюньчжи понимал: пилюль учитель наварил прискорбно мало — скорее всего, он просто бездельничал, прикрываясь работой. Все заботы о мальчике учитель свалил на плечи Жэнь Ши, а когда тот выражал недовольство, лишь важно изрекал: «Когда есть работа, трудятся ученики; когда есть вино и яства — вкушает учитель».

В детстве Гу Сюньчжи считал наставника великим мудрецом и взирал на него с благоговением. Ещё до того, как попасть в его школу, он часто наблюдал в монастыре Сюаньду, как учитель играет в шахматы со старым настоятелем. Настоятель носил скромное серое одеяние, а их наставник — ослепительно белое; он казался небожителем, сошедшим на землю, — статный, с развевающимися рукавами. Этот образ долгие годы оставался для Сюньчжи незыблемым. Однако теперь, слушая рассказы шисюна о прошлом и сопоставляя их со своими воспоминаниями, Гу Сюньчжи всё чаще думал, что старик был тем ещё лентяем.

Это настолько расходилось с его детскими впечатлениями, что он даже почувствовал лёгкое разочарование. Когда же он решил поделиться своими сомнениями с шисюном, тот лишь скорчил презрительную мину:

— Эх, он-то...

Больше шисюн ничего не добавил, но его лица было достаточно.

Гу Сюньчжи вдруг почувствовал, как прекрасный образ учителя, который он лелеял сотню лет, начал стремительно рушиться.